

Жилет пана Михольского

Это случилось в Киеве в сороковых годах прошлого века и рассказывалось многим киевлянам самим паном Михольским.

Пан Михольский задумал жениться. Был он тогда еще очень молод, но уже довольно разумен, тяготел к обществу людей солидных и светских, невесту выбрал себе хорошенькую и с приданым, все приготовления к свадьбе совершал обстоятельно, прилично. А так как одна из основ приличной жизни заключается в приличной экипировке, то пан Михольский решил приехать перед свадьбой из своего глухого уезда в Киев, дабы нашить себе панталон, сюртуков, фраков и жилеток по самой последней моде. Так он и сделал—приехал и экипировался на славу, пользуясь советами некоторого графа, знавшего и протезировавшего молодого провинциала. Перед отъездом же из Киева обратно, в свой родной город, зашел однажды пан Михольский к графу с намерением приятно провести вечер и застал его в больших заботах по самому тщательному туалету. Пан Михольский смутился, стал извиняться:

— Ах, простите, любезный граф! Вы, кажется, в сборах куда-то...

— Да, — сказал граф, — еду к Юзефовичу в Липки. Пригласил в гости и притом на весьма важную персону.

— Что-же это за персона? — спросил пан Михольский.

— Некто Гоголь, писатель.

— А, знаю, читал его вещички.

— А я, — сказал граф, — только слышал, будто он пишет, читать же мне его не доводилось. Что-ж он, хорошо пишет?

— Да недурно, — ответил пан Михольский, — только уж больно обиденно: нет, знаете, полету, байронизму...

— А все-таки надо ехать, — сказал граф, вздыхая. — Во-первых, нельзя манкировать приглашением такого лица, как Юзефович, а во-вторых, и сам этот Гоголь: он оказывается, в большой милости у государя.

Пан Михольский насторожился:

— Да что вы? Ну, знаете, это очень меняет дело. Я бы и сам был не прочь взглянуть на такую знатную личность.

— А раз не прочь, то и взгляните. Едем со мной в Липки.

— Помилуйте, как же так? Неловко...

— Пустяки! Юзефович радушнейший хозяин. Я вас ему представляю. Едем!

И вот граф и пан Михольский в Липках. А там уже целая ассамблея, тайный трепет, ожидание высокого гостя. Давно готов чайный стол на балконе, толпятся, тихо переговариваясь, прочие гости, — все больше профессора киевского университета в новеньких мундирах, — хозяин то и дело выбегает взглянуть, не едет-ли Гоголь. Но проходит час, другой—Гоголя все нету. Наконец бежит дворецкий: приехал! Хозяин кидается на встречу, профессора одергивают фалды, выстраиваются в ряд, опускают по швам руки... И вот тут-то и происходит то, о чем столько раз повествовал впоследствии пан Михольский приблизительно в таком роде:

— Как сейчас помню, этот самый Гоголь шел впереди почтительно следовавшего за ним хозяина, не спеша и глядя несколько вкось, исподлобья. У него был длинный нос, длинные прямые волосы. На нем был сюртук темного граната и темнозеленая жилетка, по которой краснели мушки и глазки и ярко блестели желтые пятна. Все мы низко перед ним склонились, он же вдруг остановился и, не отвечая на поклоны, стал глядеть на одну мою особу. Хозяин рекомендует:

— Профессор такой-то... Профессор такой-то...

Он начинает легонько кивать головой, бормочет:

— Весьма приятно... душевно рад во всех смыслах...

Затем хозяин предлагает ему сесть к столу и откусать. Но он брезгливо смотрит на чай, на закуски, морщится от заходящего солнца. Хозяин делает поспешный знак какому-то молодому человеку, тот еще поспешнее кидается к краю балкона и загоразивает собою Гоголя от солнца. Но Гоголь и на это не обращает вниманья, за стол не садится, а все продолжает глядеть на меня, точнее сказать, на мою грудь, в тот день украшенную одной из моих новых и лучших жилеток: жилетка эта была тоже весьма нарядна, только походила не на шкурку лягушки, как у столичного гостя, а на шкурку хамелеона.

— Мне сдается, — молвил он наконец, щурясь: — мне сдается, что я вас где-то уже видел...

Я хочу ответить, что, кажется, не имел такого счастья, но хозяин так сердито грозит мне из-за его спины пальцем, что у меня прилипает язык к гортани. А Гоголь продолжает (и все не без яду):

— Да, я вас где-то видел. Не скажу, чтобы ваша физиономия памятна мне живо, но тем не менее я вас видел. Видел же я вас в каком-то трактире, вы там лакомились луковым супом...

Что мне было делать? Это было уже обидно, но я, конечно, только кланяюсь и ничего не возражаю. Гоголь же снова погружается в молчание, задумчиво глядя на разводы моей жилетки. Затем вдруг подает хозяину руку, делает общий поклон всем прочим и направляется к двери. Хозяин поражен как нельзя больше, но удерживать его, конечно, не смеет. Гоголь уходит, как-то неловко передвигая ноги в узких серых панталонах на широких штрипках, а хозяин растерянно бежит за ним следом, кланяется ему в спину...

Тут, в заключение своего рассказа, пан Михольский всегда очень хитро усмехался:

— Скажите-же мне теперь, — говорил он, — как объясняете вы себе столь странное поведение Гоголя в Липках? Что такое происходило в его натуре?

Ему на это отвечали:

— Да кто-же может знать натуру такого человека? Может быть, ему мелькнула какая-нибудь чудная идея, встала в воображении резкая фигура...

Но пан Михольский мотал головою:

— Да нет же! Ни то, ни другое. Ларчик открывался просто: Гоголь позавидовал на мою жилетку! Да, да, честное слово! Если бы граф не привез меня в Липки, то Гоголь и чай бы кушал и беседовал со всеми прочими гостями. Но случилось так, что я, совершенно невольно, отравил ему жизнь своей жилеткой.

— Но послушайте: разве это возможно?

— Да вот оказалось, что вполне возможно, а доказательства тому вот какие. На другое утро прибегает ко мне в отелю портной еврейчик, у которого я делал эту жилетку, последнюю в своем роде, ибо бархата такого рисунка в городе больше не оставалось, и чуть не падает мне в ноги:

— На милость Бога, дайте, мне, пан, вашу жилетку! Уступите за какие угодно деньги! Это же чистое наказание, что такой жилетки нигде в Киеве больше не достанешь! Приехал один важный господин из столицы и купил у Гросса жилетку, а теперь увидал вашу и кричит, что непременно подавай ему в точь-точь такую же, как ваша!

Я соображаю, в чем дело, и отвечаю:

— А как фамилия того господина?

Портной пожимает плечами:

— А я знаю? И зачем вам его фамилия?

А я уже ясно вижу: ну, конечно, это Гоголь! И твердо отвечаю:

— Нет, не продам я тебе жилетки ни за какие деньги! Он хоть и Гоголь, а такой жилетки у него нет и не будет! Я, брат, свою жилетку выше всяких его «Мертвых душ» ставлю!